

Королевский балет Зайтуны

Суюндук Саитов

Никакие предельные метафоры не звучат преувеличенно, когда мы говорим о балерине Зайтуне Насретдиновой. Ее искусство покрывает расстояния и не блекнет во времени. Это поразительное и, на иной взгляд, странное выражение русской классической хореографии в ее собственном историческом подвиге перед лицом общечеловеческой культуры. И одновременно это самое раннее и самое полное впечатление от башкирского балета, потому что башкирский балет – она сама, Зайтуна Насретдинова. Как в ограненном алмазе сходится множество лучей, чтобы вспыхнуть короной ослепительного огня, так ее творчество вобрало в себя однажды все, что слеталось к тому мгновению на балетную сцену. Две великие балерины были первыми удостоены высших званий: Уланова и Лепешинская. Третьей народной артисткой СССР в балете стала Зайтуна Насретдинова.

Известие о награждении башкирской актрисы произвело сильное впечатление на театральную Россию. Все тогдашние мэтры хореографии Мессерер, Захаров, Лопухов, Лавровский писали о чуде башкирского балета и феномене Зайтуны Насретдиновой. И им принадлежит парадный образ нашей балерины. Утонченная культура, строгая интеллигентность, поэтическое благородство – важные свойства созданного ими изображения. По словам Асафа Мессерера, безупречную академическую технику Зайтуны Насретдиновой отличала “культура линии”: сочетание чеканных форм и силы жеста с одухотворенностью, даже “романтизмом” пластической кантилены... Одним словом, мастера восхищались Зайтуной Насретдиновой как примерной ученицей великой школы танца на улице зодчего Росси в святом городе балета Санкт-Петербурге.

Восхождение балерины к славе не было неожиданностью для ее земляков. Это ведь ей, еще девочке, ученице хореографического училища, посвящал восхищенный мастер Л.Б.Степанов литературный сценарий будущего спектакля, первого национального хореографического

произведения “Журавлиная песнь”. И это о ней скажет на вершине собственной славы гений танца XX века Нуреев: “Зайтуна Насретдинова разбудила во мне артиста и танцовщика!..” И тот, и другой, как и вся наша публика и вся республика видели в ней не только исполнительницу внушенных сюжетов и тем, но – носительницу собственной идеи, темы, поэзии, открывали в ней универсальную актрису, способную совместить в целостном образе художественные законы классического театра и натуральные уставы исторического обихода.

Любимая роль:

Зайтуна Насретдинова – Жизель

Актриса чуткой интуиции и прозорливой догадки, Зайтуна Насретдинова много черпала в собственном воображении и опыте сердца. Оттого у нее два вечера одной Одетты могли отличаться друг от друга, как баллада и романс. Потому она так разительно преобразилась, танцуя в “Бахчисарайском фонтане” сначала хрупкую Марию, затем надменную и гневливую Зарему, а в “Журавлиной песне” – башкирскую селянку Зайтунгуль и окутанную древними поверьями прекрасную птицу-тотем. И совершенно органичен был для нее переход от партий классической виртуозности к драматически развернутым пластическим поэмам, во многом импровизационным. Но к дарам, какими щедро наградила ее природа, к высокому профессионализму, каким наделила ее школа, прибавлялось рациональное программное начало, родственное искусству режиссуры.

Два выдающихся мастера башкирской хореографии, Ф.А.Гаскаров и Х.Г.Сафиуллин, приобщили балерину к танцевальному творчеству родного народа. А Башкирия издревле развивала самобытную пластическую культуру. Зайтуна Насретдинова, из первых рук получившая понятие о башкирском танцевальном фольклоре, училась не фигурам и темпам, а художественному способу постигать жизнь. Ее Зайтунгуль и особенно вторая роль в нашем шедевре, Вожак журавлей, отныне неотъемлемая эмблема балета Башкирии, – это классический танец, помещенный в поле высоких напряжений человеческого духа и судьбы, а не просто синтез академической пластики с народно-характерным танцем.

Тем временем живой опыт искусства Зайтуны Насретдиновой, как и весь балет Башкирии ранней поры, был погружен в процессы, захватывающие неоглядные горизонты мировой сцены, прежде всего, русский театр. На балетную сцену шла Майя Плисецкая, шел Юрий Григорович, хореограф-симфонист, хореограф-монументалист, мастер балетного парада и создатель трагедийного спектакля в танцуемой пьесе.

К великой чести Зайтуны Насретдиновой, качественно новые тенденции в большом балете оказались ее собственными артистичес-

кими нормами. Сценические партии балерины насыщались широкими ассоциациями. Танцевальный образ пробуждал в зрителе щемящие, тревожащие ум и сердце реальные представления, исторические реминисценции.

Так, публика находила повод сравнивать ее Эсмеральду с литературным прообразом готического романа Гюго. Легенда о заколдованной Одетте приобретала в исполнении Зайтуны Насретдиновой черты байронической поэмы о внечеловеческой природе, разлад с которой грозил жестокими катастрофами. Простодушная крестьянка Жизель, обманутая жизнью и людьми, находила странное и опасное для смертных удовлетворение в общении с потусторонними духами земли... Балерина не уводила в мир иллюзий и снов. Она приводила к нам своих героинь. Когда же в ее репертуаре появлялись Зарема, Лауренсия, Раймонда, Тао Хоа, Амина, Зугра и другие персонажи, способ художественного существования которых перекликался с судьбами современных людей, балерина сама шла за ними, как шли сказочные царевны за тридевять земель в тридесятое царство искать любимых в плену у чудовищ. Это красота искала свой истинный лик в кривых зеркалах нашей изломанной эпохи.

Театралы очень скоро почувствовали истинное призвание Зайтуны Насретдиновой и произнесли единственные слова, достойные ее искусства: трагедийная актриса. Ее вещей дар – явление стиля, образ сценической поэзии и образец мастерства, пока у нас не превзойденный. Но это и духовный феномен, способ глубокого общения с жизнью, вскрывающий в ней самое важное – собственно источник бытия и его неизбывных печалей. В этом качестве искусство Зайтуны Насретдиновой есть сокровенный опыт каждого. Им живут, над ним размышляют, от него отталкиваются и уходят, но к которому вновь и вновь возвращаются, как в родной дом.

Искусство Зайтуны Насретдиновой и есть родной дом, родина башкирского балета. Небесные светила близко склонились над башкирской балетной сценой, словно для того, чтоб мы разом увидели то огромное пространство поэзии, каким был и остается балет Зайтуны Насретдиновой.